

Пушкарева С. В.

СОШ № 3, г. Вышний Волочек

«ОГНЕННЫЙ СТОЛП» КАК СМЫСЛОБРАЗУЮЩИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Н. С. ГУМИЛЕВА

Художественный концепт «огненного столпа» очень важен для семантики последнего прижизненного поэтического сборника Н.С. Гумилева с аналогичным названием. В образности и символике этого художественного концепта сплетены православные, суфийские, индуистские, кельтские и другие мотивы. В его основе лежит не только библейский образ «огненного столпа», но и арабский образ-символ «столпа поэзии».

Ключевые слова: художественный концепт, лейтмотив, образ-символ очищающего огня, «столп поэзии».

Художественные концепты диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. Порождающее и воспринимающее сознание в этом смысле равноценны. Восприятие художественных концептов представляет собой вариант их нового порождения. Таким образом, художественный, литературно значимый концепт оказывается инструментом, позволяющим рассмотреть в единстве эстетический мир произведения и мир культурологически значимых национальных смыслов. Можно сказать, что, вводя художественный концепт как единицу литературоведческого анализа произведения, мы в культурологическом плане получаем возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть, то есть в национальную картину мира.

Особым, семантически значимым художественным концептом позднем творчестве Гумилева является «Огненный столп». Само название последнего поэтического сборника Н. С. Гумилева представляет собой пример обращения «отца акмеизма» к «семантической поэтике», «позволяющей «разворачивать широчайшую историческую перспективу», «самые разнообразные системы восприятия, опираясь на разные «коды» [2, с. 65]», как пишет Н. А. Богомолов.

Среди образно-смысловых интенций «огненного столпа» нам представляется важным указать на, никем ранее не отмеченное, классическое понятие «столп поэзии», крайне важное для средневековой арабской (и доисламской) эстетики и поэтики. Понятие «столп поэзии» – «амуд аш-ши» – имеет космогоническую природу, подобно Мировой Оси (амуд- «столб палатки, опора, оплот». В русской крестьянской культуре

с ним сравнимо понятие «матицы», очень важное для мифопоэтического пространства русской избы, подобной Млечному Пути (С. А. Есенин «Ключи Марии»[8]). Настоящие поэты не отклоняются от «огненного столпа», следуя Пути древних. Таким образом, «столп поэзии» («огненный столп») – это духовная вертикаль, подобная Лестнице Иакова, ведущей на небо.

Суть понятия «столп поэзии», в арабской средневековой философии и литературе состоит в естественности, простоте и ясности, которые свойственны древней поэзии, и противопоставит искусственности (вычурности, надуманности и сложности) новых поэтов (как похоже на некоторые упреки Н. С. Гумилева в адрес поэтов-символистов – «фокусников!»). Приведем краткую цитату из арабского филолога Ал-Марзуки: «Разница между естественностью и искусственностью в том, что, (в естественности), когда побуждающие мотивы возникают в душах и приводят в движение врожденные способности, то они заставляют работать сердца. А если же взволнуются умы сокрытым в их (сердцах) запасниках, то ма,- ни (поэтические мотивы) забывают ключом, самые разнообразные из них обильно потекут и ощутят затаенные мысли потребность в явленных лафзах (словесном выражении)» [13, с. 130].

В лирике Серебряного века роль мотивов и лейтмотивов актуальна так же, как и «теория соответствий», одним из родоначальников которой был Шарль Бодлер. Как утверждает исследователь О. Щеголькова, в поздней лирике Гумилева именно мотив выступает как *структурообразующая категория* в организации лирического сюжета поэтической книги («Костер», «Огненный столп») [23, с. 19].

Мы считаем, что для сборника «Огненный столп» очень важен мотив духовного очищения, который тесно связан с темой Пути, понимаемой как «странствие духа». В свои 35-ть лет, создавая «Огненный столп», Н.С. Гумилев осознавал себя вполне сложившимся поэтом. А когда художник – поэт «слагается в своем личном своеобразии как нечто цельное» [2, с. 60], перед нами предстает мир, им воссозданный, своеобразно преломившийся в творчестве. К каким же выводам приходит Н. Гумилев – зрелый художник, решая для себя философские проблемы бытия?

«В «Огненном столпе» синтезированы историко-философские идеи позднего Гумилева, уже само название соединяет в себе Запад и Восток» [11, с. 92], – считает Л. Г. Кихней. Название сборника восходит ко многим источникам: зороастризму, суфизму, Библии, православной святоотеческой традиции, индуизму, Гераклиту, герметическим учениям, трудам русских религиозных философов. Арабский термин «столп поэзии» связан с духовной основой поэтического творчества, с его космическим началом. Огненный столп являет собой Богоприсутствие в сакральной традиции, библейской и индуистской.

Н. С. Гумилев глубоко изучал фундаментальный труд о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Таким образом, «огненный столп» следует рассматривать и в контексте отечественной духовной традиции, с точки зрения образности и метафизики православия. Проанализируем более подробно эти семантические контексты.

Герой Гумилева «сгорает» в «огненном столпе», обращаясь, таким образом, к очистительной, божественной силе огня. «Благодаря подробному знанию истоков (места рождения), человеку удается противостоять смерти, и он оказывается способным безнаказанно обращаться с огнем» [24], – пишет М. Элиаде.

Определенной попыткой «воспоминания себя» у Н. Гумилева является стихотворение «Память», первое в последнем сборнике. Ввиду особой значимости верований зороастризма и Авесты как непосредственных источников поэмы «Звездный ужас», завершающей сборник «Огненный столп», необходимо указать, что именно знаменует собой «огонь Зороастра». Перед нами образ-символ высшего космического огня, причастного силам творения.

Итак, в сборнике «Огненный столп», своеобразном духовном завещании Гумилева, реализуются принципы формирования мифопоэтического пространства. Крайние точки, Начало и Конец,

Пути героя совпадают в стихотворениях «Память» и поэме «Звездный ужас». Первое и завершающее стихотворения даже написаны одним размером – пятистопным хореем, что, по мнению О. Смагиной, «позволяет говорить о кольцеобразной композиции сборника» [19, с. 3]. Таким образом, Путь героя представляет бесконечную спираль духа, уходящую в звездное небо, подобно спирали бесконечного развития, соответствующей древнейшим моделям Вселенной.

«Человек уходил из мира временного, чтобы остаться в вечности. Смерть для первобытного мыслителя и поэта есть уход, за которым всегда следует возвращение. Однако вернется человек в другом облике, в другой маске, в огненной солнечной одежде» [10, с. 84], – писал К. Кедров в работе «Поэтический Космос». Идея маски играла важнейшую роль в творческой системе «ирландского Вячеслава Иванова», как называл Николай Гумилев английского поэта, Уильяма Йейтса.

«В «Per Amica Silentia Lunae» (1917), художественно-философском кредо зрелого Йейтса, во главу угла поставлены поиск и обретение маски. Отвернуться от зеркала и обратиться к раздумью над маской – лишь так поэт или герой могут обрести свое подлинное я, избавиться от постоянной и бесплодной муки самопознания. Маску следует выбирать как можно более непохожую и недостижимую. «Я ищущий / В себе свой новый образ – антипода, / Во всем не схожего со мною прежнем», – писал Йейтс в поэтическом прологе к «Per Amica» ... В книге «Видение» (1925, 1937) Йейтс развил эти идеи в форме теории «четырех способностей», которые он определил, как Волю, Маску, Творящий Дух и Тело Судьбы» [12, с. 250].

Воля – главная движущая сила личности, это же утверждает Николай Гумилев в стихотворении «Мои читатели». А Маска (создаваемый Образ) – цель Воли. Человек в зрелом расцвете своих способностей должен отыскать и присвоить себе образ, самый далекий и невозможный – тот, которого можно достичь лишь на пределе человеческих сил.

Выбрать себе задачу, наитруднейшую из всех возможных, – так формулировал это Уильям Йейтс. «Исток подобных совпадений содержится в речах Заратустры», – считает Григорий Кружков, – «оказавших самое глубокое воздействие на Йейтса и Гумилева. ... Николай Гумилев – поэт, путешественник, «мореплаватель и стрелок», георгиевский кавалер и синдик Поэтического Цеха – очевидный пример «антитетического» человека. Того, кто сознательно ставит

перед собой только трудные цели и добивается их любой ценой» [12, с. 253].

Итак, «Огненный столп» – это мистерия смерти и оживления. К.А.Кедров в «Поэтическом космосе» отмечает: «Солнце – маска лица, лицо – маска солнца. Смерть – маска жизни, жизнь – маска смерти. Огненной маске предшествует страшное надевание смертной личины (этому соответствуют пророчества о собственной гибели в стихотворениях сборника «Огненный столп»), но в момент снятия этой «личины» происходит духовное преображение героя и всего окружающего мира» [10, с. 84].

«Сердце будет пламенем палимо/ Вплоть до дня, когда взойдут ясны Стены Нового Иерусалима/ На полях родной моей страны» [5, т. 4, с. 94], – писал Н. Гумилев. Здесь «Новый Иерусалим», как символ, выражает сакральный смысл и представляет собой образец тождественной символики (по классификации В.М. Живова [7]).

Однако «огненный столп» – это и «мистерия оживления». Идея огня, рождающего ради поглощения и поглощающего ради рождения изначального, всегда динамичного Космоса как вечно живого Огня, мерами загорающегося и мерами затухающего, восходит к философии Гераклита. Эта идея нашла выражение в лирике Вячеслава Иванова, для которого «космический огонь» Гераклита был ценностью мистической.

Гераклитианство являлось существенным мировоззренческим основанием и для Н. С. Гумилева. Но, как подчеркивает Юрий Зобнин, «за историей освоения европейской культурной традиции Гераклита, стояли мощные герметические учения, исповедовавшие особый подход к познанию мира» [6, с. 5]. Законы соответствий Гермеса Трисмегиста, один из источников, к которому восходят эти идеи, также могли быть положены Гумилевым в концептуальную основу триптиха «Душа и тело», «Слово» и многих других стихотворений в последнем сборнике поэта.

Таким образом, очищающая сила вечно огня оказывается связана со «странничеством духа» лирического героя, его стремлением к возрождению и перерождению. «Странствуй!» – ибо жизнь того, кто странствует... течет по особым законам: в вечном становлении, подобно жизни Вселенной, таково напутствие бога Арджуне в индийском эпосе «Махабхарата». И маршруты такого странствия духа для Гумилева – важнейшие духовные ориентиры человечества, сакральные «Север» с Кельтикой, Ирландией и Гипербореей,

а также с «Югом» – «священной Индией Духа», «эзотерическим царством поэтов». Пространство России в этом странствии оказывается «золотым сердцем» – серединой, центром духовной битвы, «пламенем духа» [1, с. 6], той самой заветной дверью в царство Света, которую искал поэт [17].

С. К. Маковский связывал семантику названия сборника «Огненный столп» со строками из стихотворения «Много есть людей, что, полюбив...», «...Как ты любишь, девушка, ответь? .../Если ты могла явиться мне /Молнией слепительной Господней, / И отныне я горю в огне, / Вставшем до небес из преисподней» [5, т. 4, с. 90]. По словам Маковского, «Гумилев всю жизнь ждал чуда – всеразрешающей женской любви» [6, с. 10]. Обратимся к феномену мистической любви, который лежит в основе суфийской поэзии.

Гумилев, как и многие поэты Серебряного века, был глубоко увлечен творчеством величайших персидских поэтов-мистиков, в особенности Гафиза, Саади, Насири Хосрова, Омара Хайяма. Тайна превращения целомудренной земной любви в любовь Божественную остается одной из ведущих тем великой поэзии Ирана и сопредельных стран. Только с учетом опыта подобной любви могут быть поняты некоторые удивительные произведения ранних персидских мистиков, как считает Аннемари Шimmel [21, с. 15].

Любовь – всепоглощающий огонь. Прежде всего она сжигает «стоянку терпения»: «Терпение мое умерло в ту ночь, когда родилась любовь» [21, с. 16]. А бедный влюбленный в руке любви – как «котенок в сумке: он то взлетает вверх, то падает вниз» [21, с. 16].

Охваченный этой любовью, которая манифестирует Божественную красоту, равно как и мощь Бога, ибо она восхитительна и ужасна, убийственна и живительна одновременно, мистик воспринимает любовь как «пламя, которое сжигает все, кроме Возлюбленной» [21, с. 17]. Это классическое определение любви, ведущей к истинному «таухид», божественному преображению субъекта в чистую любовь. Определение любви, уничтожающей и поглощающей все, что не есть Бог, выражается поэтическим языком, который впоследствии переняли практически все мусульманские поэты, писавшие на персидском, турецком или урду. Так, символизм огня, в обилии представленный в произведениях Галиба, поэта XIX в., писавшего на урду, уходит корнями в эту концепцию абсолютной любви.

Если обратиться к Священному Писанию, то и в Библии «огненный столп» фигурирует в раз-

личных контекстах, формирующих его семантическое поле: «...и двинулись сыны Израилевы из Сокхофа и расположились станом в Ефали. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем, и ночью. Не отлучался столп огненный и столп облачный от лица народа» (Исход 13:20 – 22), «...Видел я Ангела ..., сходявшего с неба... и лице его как солнце, и ноги как столпы огненные...» (Откр. 10:1).

Следует учесть также трактовку этого библейского символа в популярной в начале XX века работе Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра»: «...Горе этому большому городу! Я хотел бы увидеть огненный столп, в котором он сгорает. Ибо эти огненные столпы должны предшествовать великому полудню. Но все это имеет время и свою собственную судьбу» [15, с. 248]. Ницшеанство произвело сильное впечатление на мировоззрение молодого Н. С. Гумилева. Можно предположить, что мотив сгорания лирического героя в «огненном столпе» восходит и к идеям Ницше.

С другой стороны, друг Гумилева, художник и мыслитель Максимилиан Волошин, веруя в «...единственный идеал – Град Божий», желая «...своему народу Пути праведного, соответствующего его исторической и всечеловеческой миссии» [9, с. 151], говорит об очищении человечества благодатным пламенем Св. Духа. Святой Дух, в виде огненных языков, сошел на апостолов-учеников Иисуса Христа. В православии, горящая свеча символизирует божественный огненный столп, как символ очищения человеческой жизни.

И, как мы уже отметили, суфийские поэты-мистики путь духовного восхождения к созерцанию Бога в красоте творения называют путем Любви. Поэты и мыслители Серебряного века отмечали родственность исламского и православного духовного мистицизма.

«Сего рвение к Богу тако бывает, яко огонь (в сердце) дышает» [16, с. 362], – говорили православные старцы – исихасты А священный хадис суфиев, передаваемый по духовной цепочке, гласит: «мудрость Моего сотворения тебя заключается в том, чтобы узреть Мой образ в зеркале твоего духа и любовь ко Мне в твоем сердце» [21, с. 15].

Николай Гумилев говорил о феномене мистической поэзии, которая «...ныне переживает возрождение только в России, где она связана с великими религиозными идеями народа. В России по-прежнему велико ожидание Третьего Завета. Ветхий завет – Бога-Отца, Новый Завет – Бога-Сына, Третий Завет – Бога Духа Святаго, Утешителя. Этого действительно ждут в России, и

«мистическая поэзия», устремляясь к прозрению таинственного смысла бытия, «параллельна этому ожиданию» [6, с. 590]. В этом смысле последний сборник поэта «Огненный столп» явился самым ярким выражением мистической поэзии.

Так, мотив огненной смерти и возрождения с помощью очистительной силы «живого, динамичного огня» восходит и к Гераклиту, и к первобытному обряду инициации. Господь, идущий в огненном столпе, утверждает божественную сущность стихии огня. В индийской мифологии существует следующее значение «огненного столпа» – символа, который, без сомнения, был известен Гумилеву: в огненном столпе явился бог Шива Вишну и Бrame, «огнем, вставшим до небес». До появления этого символа Шиву можно было постичь только через Шакти, его женскую половину, «супругу», «женское начало», с которым в Абсолюте бог слит в нераздельном единстве. В честь этого мужского проявления бога Шивы в Индии все шиваиты отличают праздник Шивалайя Деепам [22, с. 150].

«Столп и утверждение истины» – труд о. П. Флоренского, очень важный для Н.С. Гумилева, дает образ Софии – Премудрости Божией: «Лицо и руки её огневидного цвета, за спиною два крыла...» [4, с. 530]. А вот описание явления героини Н. Гумилева: «Но свет у тебя за плечами, такой ослепительный свет.../ Там длинные пламени реют, как два золоченых крыла» [5, т. 4, с. 137].

«Огненный столп» – это еще и пламя страсти, в котором сгорает лирический герой. Но страсть в сборнике – и настоящая любовь, любовь как проявление высшей духовной сущности человека. Огонь любви – очищающий огонь, пламень страсти, ведущий к гибели. Огромное значение в данном случае имеет образ Той, у которой за плечами ослепительный свет, понимаемый как преодоление смерти, попытка хотя бы духовного ее преодоления. Это преодоление смерти найдет свое отражение в символических образах стихотворений Н. С. Гумилева «Память», «Слоненок», «Ольга», «Леопард», «Заблудившийся трамвай», «Персидская миниатюра» и многих других.

Итак, «пламя в «Огненном столпе» выступает символом метаморфоз. ... Это значение огня полностью согласуется с мифологическим» [19, с. 3], – отмечает О. Смагина. В мифологии огонь, как и вода, является символом преобразования и перерождения.

Очищающая и живительная сила «любовного огня» как причастного таинству рождения и воз-

рождения человека и природы отражена в древних ритуалах. При переходе в годовом цикле от зимы к весне, от «сна смерти» к новому «рождению» совершается обряд добывания огня и ритуальный акт зачатия. Самая красивая девушка – олицетворение силы Великой Матери – допускается к священному таинству. Как уже было отмечено, в индийской традиции (шиваизм), до явления Шивы в виде огненного столпа, проявившего мужское начало, Бога-Отца можно было постичь только через милость Шакти, женского начала, матери всего, и молитву к ней, слитой с Богом – Отцом

в нераздельном единстве. В этом – остатки древнего матриархата, они, кстати, проявляются также и в том, что архетип матери – самый устойчивый в бессознательном человека. Возрождение мира-Вселенной связано с творческой силой женского начала [18, с. 63].

«Любовный огонь» – живая сила рождения, не только физического, но и духовного. Таким образом, сгорая в «огне любви», лирический герой последнего прижизненного поэтического сборника Н. С. Гумилева «Огненный столп», стремится к духовному возрождению.

Список литературы:

1. Беседа Преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. – МПО: «МЕТТЭМ», М., 1991.
2. Богомолов Н. А Читатель книг // Литература первой трети 20 в: Портреты, проблемы, разыскания. – Томск: Водолей, 1999.
3. Верхолюмова Е.В. Символика заглавия книги стихов Н. Гумилева «Огненный столп» // Материалы Международной научной конференции 14-16 апреля «Гумилевские чтения» 2006 г. – СПб., 2006.
4. Гумилев Н. Сочинения в 3 т.: *Примечания*. – М.: Худ. литература, 1991.
5. Гумилев Н.С. Полное собрание соч в 10 т. М.: Воскресение, Т. 1-8 (1998-2007).
6. Гумилев Н.С. Proetcontra. – СПб: РХГИ, 1995.
7. Живов В.М. Сакральные образы в русской поэзии. К постановке проблемы // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С.76-85.
8. Есенин С. А. Ключи Марии: часть 2 / Есенин С. А. Собрание соч. в 3 т. М: «Правда», 1977.
9. Искржицкая И. Ю. Культурологический аспект литературы русского символизма. – М.: Рос. университетское изд-во, 1997. (Научная монография).
10. Кедров К.А. Поэтический космос– М.: Сов. писатель, 1989.
11. Кихней Л.Г. «Чуж старинную быль ...». Мифопоэтическое преломление национальной идеи в лирике позднего Гумилева // Материалы Международной научной конференции 14-16 апреля «Гумилевские чтения» 2006 г. – СПб., 2006. С. 80-92
12. Кружков Г. К. Вечный язык поэтов глава III Мифотворцы: Йейтс и Вячеслав Иванов *communio poetaum*: Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
13. Куделин А.Б. Понятие «столп поэзии» в средневековой арабской критике. (Комментарий Ал – Марзуки к «Дивану доблести» Абу-Таммама) // Памятники литературной мысли Востока. – М.: ИМЛИ РАН, 2004.
14. Мовчан П.И. Носитель знания света – Зороастр // Эниология. Одесса, 2003. – №2. С.55-60.
15. Ницше Ф. Так говорил Заратустра, Собрание соч. в 2 т.- М, 1990.
16. Новгородская четвертая летопись – ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925.
17. Раскина Е.Ю. Мифопоэтическое пространство поэзии Н. Гумилева. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – РАН: Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Спб. 2000.
18. Санникова Л. Символика материи в культуре народа природы // Эниология – Одесса, 2003.
19. Смагина О. А. Поэтический мир Николая Гумилева: «Огненный столп». / Автореферат канд. дис. – Смоленск, 2000.
20. Смелова М. В. Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тверь, 1998.
21. Шиммель Аннемари Мир исламского мистицизма: Бессмертная роза. Глава 1. – М., 1999.
22. Шивая Субраманьясвами. Космический танец Шивы (индуистский катехизис). – Спб., 1993.
23. Щеголькова О. В. Структурообразующая роль мотива в книге стихов Н. С. Гумилева «Костер». / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Самара, 2003.
24. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: «Инвест. – ППП», 1996.